

КУМЫКСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Бекеева Айгуль Муратовна

Научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН (г. Махачкала)
bekeeva-92@mail.ru

KUMYK LULLABY IN FOLKLORE AND LITERATURE

A. Bekeeva

Summary: The article analyzes the features of lullabies in Kumyk folklore and Kumyk poetry for children of the second half of the 20th – early 21st centuries, and studies the influence of folk lullabies on the formation of lullabies as a separate genre in Kumyk literature. Despite their differences, both literary and folk lullabies share a common idea: to lull children to sleep, create a nurturing atmosphere, and reflect a mother's unconditional love.

Keywords: children's folklore, Kumyk children's literature, alliteration, wishes, monotony, imperative and narrative lullabies.

Аннотация: В статье анализируются особенности колыбельных песен в кумыкском фольклоре и кумыкской поэзии для детей второй половины XX – начала XXI вв., рассматривается влияние народных колыбельных на формирование колыбельной песни как отдельного жанра в кумыкской литературе. Несмотря на их отличия, как литературные, так и фольклорные колыбельные песни имеют общую цель: убаюкать детей, создать атмосферу заботы и отразить безусловную материнскую любовь.

Ключевые слова: детский фольклор, кумыкская детская литература, аллитерация, благопожелания, монотонность, императивные и повествовательные колыбельные.

Фольклорные колыбельные песни имеют особую форму традиционной музыки, которая передается из поколения в поколение, отражая историю и ценности общества. Их исполнение способствует формированию культурного и языкового сознания детей младшего возраста, оказывает благотворное воздействие на их психику. Психологи также отмечают особое влияние колыбельных песен на детский организм: спокойный здоровый сон, отсутствие чувства тревоги и формирование культурного сознания ребёнка. Колыбельные песни называют детским материнским фольклором, так как непосредственными авторами большинства народных колыбельных песен являются мамы, бабушки, няньки, убаюкивающие дитя. Характерными особенностями этого жанра поэзии являются монотонность, укачивающий ритм и незамысловатый текст.

Ф.С. Капица и Т.М. Колядич в учебном пособии «Русский детский фольклор» пишут следующее: «Славянские названия колыбельных песен восходят к глаголам колыбать, кохать, колебать, качать, зыбать. В северных губерниях России колыбельные песни назывались «байками» от байкать, убаюкивать. По-французски колыбельная песня называется berceuse (колыбельная), по-немецки – Wiegenlied, по-английски – cradle song (песня у колыбели) или lullaby (буквальный перевод: убаюкивательная песня), по-персидски – лоло» [5, 29]. В кумыкском языке колыбельная песня – «къакъакъ йыр». Если обратиться к историческому прошлому зарождения колыбельных песен, то стоит отметить, что они отражают истоки социально-психологического развития общества и имеют очень глубокие корни. «А.Н. Толстой отмечал, что эта литература была «исторической памятью» народа, «ста-

новила и укрепляла его нравственный облик» [цит. по: 1, б]. «Определение возраста колыбельной песни является одной из сложных проблем и для дагестанской фольклористики, – отмечает исследователь дагестанского детского фольклора Ф.З. Абакарова. – Сохранившиеся отдельные реликтовые элементы в образной системе произведений и в некоторых случаях архаизмы изобразительных средств позволяют предположить, что этот жанр в Дагестане – продукт многовекового образования, который, естественно, испытал влияние других народов, позаимствовав у них самое интересное, занимательное» [1, 11]. В народной памяти имеется немалый запас колыбельных песен, но, как правило, женщина, склонённая над колыбелью, видоизменяла их и становилась автором новых творений. Несомненно, не каждая женщина обладает поэтическим даром, и образцами устного народного творчества становятся наиболее удачно композиционно сложенные, в которых есть чувство ритма, а художественный текст богат изобразительными средствами. Приведём ниже фольклорный текст, изобилующий аллитерацией, которая служит средством «усыпляющей ритмики»:

Мени яшым – талгъыры,
Талада бичен чалгъыры,
Ойтанда от якъгъыры,
Къырда къозу бакъгъыры.

Мой сыночек – пёстренький,
Да косить ему сено на поляне,
Да зажигать ему костры в лощине,
Да пасти ему ягнят на полянах [2, 200].

Несмотря на то, что во многих фольклорных колы-

белых песнях нет гендерного различия, все же среди них чаще встречаются конкретизированные обращения, адресованные мальчику или девочке. Исследователь кумыкского фольклора, профессор А.М. Аджиев в своей монографии «Устное народное творчество кумыков» отмечает, что «в кумыкских колыбельных в ребенке-мальчике хотят видеть будущего смелого, мужественного защитника дома и родины, неутомимого и умелого работника и т.п. Для этого подбирают яркие, впечатляющие, порою, соответственно жизни и поступкам воина, суровые, но в целом понятные ребёнку эпитеты, сравнения, символы и т.д.:

Мени яшым атлансын,
Атына халат къаплансын,
Минг душманны оьлтюрсюн,
Тонавун уьйге гелтирсин,
Тонавун берип, тон алсын,
Тонавун берип къыз алсын
Оьзю де анасына къалсын!» [2, 203]

Мой сынок пусть коня оседлает,
Пусть коня халатом накроет,
Пусть тысячу врагов убьёт,
Пусть трофеи домой принесёт,
Пусть за трофеи купит шубу,
Пусть, отдав шубу, девушку возьмет,
Пусть сам матери останется!

Кумыкская поэзия следует традициям предков, и здесь мы тоже можем найти элементы устного народного творчества для самых маленьких. Колыбельные песни занимают определенное место в творчестве таких кумыкских поэтов, как Б. Астемиров, А. Меджидов, В. Атаев, Я. Заурова и др. Колыбельные песни исследователи классифицируют на императивные и повествовательные. Согласно концепции А.Н. Мартыновой, «наиболее древняя по происхождению – группа императивных песен. По форме они представляют собой монолог, обращенный к ребенку, животным или мифологическим существам. В них содержатся пожелание сна, и просьба не мешать спать, не пугать ребенка. Характерной особенностью императивных песен является употребление глаголов в повелительном наклонении. Повествовательные песни представляют собой самую большую группу колыбельных песен. Они не имеют ярко выраженной эмоциональной окраски и подчиняются функциональным требованиям... В них рассказывается об окружающем ребенка мире, о чувствах, заботах и тревогах матери» [5, 34]. Для кумыкской детской поэзии, как фольклорной, так и литературной, более характерны императивные колыбельные песни, в которых основными мотивами предстают добрые пожелания, наставления, часто сопровождаемые похвалой убаюкиваемого ребёнка.

Мени яшым яш болсун!
Яш урлукъгъа баш болсун!
Атылар атындан тышюп къарардай,

Яявлар ким экен деп сорардай [7, 89].

Пусть мой ребёночек станет юным!

Среди детворы станет главным!

Так, чтобы знаменитости глядели в спину,

А прохожие интересовались тем, кто же он, –
поется в колыбельной песне, созданной А. Меджидовым.

Следует отметить, что аллитерация – один из самых популярных приёмов кумыкских колыбельных песен, придающих особую звуковую выразительность тексту. Повторение одних и тех же звуков делает песню доступнее для ребенка, помогает привлечь его внимание, эмоционально воздействуя на него. Рифма, аллитерация, ассонансы – все эти изобразительно-выразительные средства служат мелодичной основой колыбельных песен. Здесь мы видим примеры аллитерации (звуки ш, р, д) и ассонанса (я, а). Приведённая выше колыбельная написана в форме благопожелания и имеет назидательный характер, соответственно здесь наблюдается употребление глаголов в повелительной форме «болсун!» («пусть будет!»). Вместе с тем и в фольклорной, и в литературной колыбельной песне наблюдается использование и повествовательной структурной формы.

Кумыкская поэтесса Яха Заурова в предисловии к своей книге «Дети-сорванцы» на кумыкском языке («Яшлар-къатарбашлар») пишет, что свою вторую книжку от чистого материнского сердца, с огромной любовью и добрыми пожеланиями посвящает всем детям на земле [4, 2]. Отдельный раздел в данной книге посвящён колыбельным песням, адресованным её внукам. Они написаны с особой любовью, с учётом возрастных особенностей детей.

Бёлей, балам, бёлелей,
Яп гёзлеринг юхлама.
Гьюнрлерингни макътап.
Анав сюе йырлама [4, с. 41].

Баю-бай, малыш, баю-бай,
Закрой глазки и усни.
Воспеть твои способности
Хочет бабушка.

Данная колыбельная песня относится к песням, предназначенным для младенцев, где главным элементом является мелодия, создаётся «лирический, умиротворяющий настрой» [1, 14]. В песнях Я. Зауровой, обращенных к девочкам, как правило, воспеваются их девичья красота и нежность:

Мени къызым сютдей акъ,
Асиллик бар юзюнде.
Билеклери сомалакъ,
Бал тама гьар сезюнде [4, 42].

Моя девочка бела, словно молоко,

В ее лице есть красота.
Плечи у нее белые,
Медовый вкус в каждом сказанном слове.

Используя один из популярных приёмов детской поэзии – сравнение, Яха Заурова выражает все тепло и восхищение ребенком. Как пишет автор, колыбельная посвящается внучке Зиярат. Это – отличительная особенность творчества поэтессы: под названием каждой песни она указывает адресата. Несомненно, эти колыбельные могут использоваться для всех детей. Д.З. Атаева в статье о фольклорных истоках детской поэзии кумыкского поэта Вагита Атаева называет жанр колыбельной песни «материнской поэзией». «Многие поэты и писатели в своём творчестве, как правило, возвращаются к истокам фольклора – народной мудрости. Не являются исключением и дагестанские мастера художественного слова», – пишет автор статьи. В повествовательной форме написана колыбельная песня В. Атаева:

Инг де татли – баламдыр,
Къолу тутар – къаламдыр,
Билим алар – баламдыр,
Къаным-жаным – баламдыр,
Эм-дарманым – баламдыр,
Гюнюм – айым – баламдыр
Инг тарыгъым – баламдыр... («Бешик йыр»)

Самый сладкий – мой малыш,
Писать научится мой малыш,
Знания получит мой малыш,
Для меня лекарство – мой малыш,
Моё солнышко – мой малыш,
Моё счастье – мой малыш,
Свет очей моих – мой малыш,
Больше всего мне нужнее – мой малыш.
(«Колыбельная»)

(Подстрочный перевод Д.З. Атаевой) [Цит. по: 3, с. 57–58].

В этой колыбельной мы видим, что смысл жизни матери, как и миллионов других, в ее ребёнке. В слове матери «балам» («мой малыш»), отражаются любовь, доброта и тепло, колыбельная внушает ребенку уверенность в себе и в том, что в любой жизненной ситуации мама будет рядом и придаст силы. «Главное место в композиции колыбельной песни занимает развёрнутый монолог, построенный на приёме обращения, посредством которого, во-первых, достигается эмоциональность,

во-вторых, – наибольшая конкретизация мысли и чувства, выражаемых часто с дидактическим намерением» [1, 9]. В колыбельной поэзии любого народа семантическое пространство текста занимает душевное состояние матери, выражаемое ею различными способами. Так, в колыбельной песне А. Меджидова оно передано с помощью описываемого ею волшебного мира сказочных животных:

Бёрюлер гелме сююп,
Къапуланы тёбелей.
Аявсуз яшым бармы,
Бёлей, балам, бёлелей.

Кикимав, къакъакъ айтып,
Озьюн юхлат деп тилей.
Къар тюпде кёп зат юхлай,
Бёлей, балам, бёлелей [6, с. 40].

Волки, пожелав прийти,
Бьются у ворот.
Разве у меня есть ребёнок, который мне не дорог,
Баю бай, малыш, баю бай.

Сова просит спеть колыбельную
И уложить ее спать.
Зачем мне это, уж лучше тебя убаюкаю,
Баю бай, малыш, баю бай.

Некоторые исследователи называют колыбельные песни «заговорными песнями», соотнося процесс укладывания ребенка с ритуальным обрядом. «В русских колыбельных песнях заговором-оберегом являлся мотив «смерти ребёнка», веря в то, что, призывая смерть, тем самым отгоняли ее, оберегали ребёнка». В таких колыбельных песнях типичным является «договор с представителями иного мира», обещание им подношения, взамен чего просят благополучие и сон ребёнка» [8, 177], – пишет М.А. Шхабацева. Данная тенденция не наблюдается в целом в дагестанской детской поэзии и в кумыкской, в частности. Согласно проведённому анализу, можно сделать вывод, что в дагестанском кумыкском фольклоре и поэзии колыбельные песни имеют в большей степени форму благопожеланий, в них укрепляется культурная идентичность народа. Будь то произведение поэта или песня народного певца, колыбельные песни продолжают занимать особое место, стирая границы между прошлым и настоящим, и укрепляя связь между заботливым взрослым и ребенком.

ЛИТЕРАТУРА

- Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор: учебное пособие [Электронный ресурс] – <http://docplayer.ru/46019968-Fedorsergeevich-kapica-tatyana-mihaylovna-kolyadich-russkiy-detskiy-folklor-uchebnoe-posobie.html> (дата обращения: 19.06.2018). 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 64.
- Абакарова Ф.З. Дагестанский фольклор о трудовом воспитании детей. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 108 с.
- Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Из серии «Очерки устно-поэтического творчества народов Дагестана». Махачкала, 2005. 428 с.

4. Меджидов А.А. Чум сыргъалар («Кизилые серёжки»). Махачкала, 1992. С. 104. На кум. яз.
5. Заурова Я. Яшлар-къатарбашлар (Дети-сорванцы). Махачкала: Изд-во «Абусупиян», 2013. 104 с. На кум. яз.
6. Атаева Д.З. Фольклорные истоки детской поэзии кумыкского поэта Вагита Атаева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2011. № 1. С. 57–62.
7. Меджидов А.А. Сариялым («Желтогривый мой»). Магъачкала: Дагъучпедгиз, 1987. С. 104. На кум. яз.
8. Шхабацева М.А. Колыбельные песни в контексте обрядовой культуры адыгов // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 2015. № 11. С. 173–181.
9. Кусаева З.К. Обряд как сюжетобразующий компонент в осетинской «Нартиаде». Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Осетинский язык в условиях глобализации». Москва, 2014. С. 143–156.

© Бекеева Айгуль Муратовна (bekeeva-92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН